

Е. П. НАУМОВ

ПРОБЛЕМЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ЮЖНОЙ ДАЛМАЦИИ
И ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ ЕЕ С ВИЗАНТИЕЙ

(конец XII — середина XIV в.)

Изучение истории экономического развития в средние века, без сомнения, представляет одну из важнейших задач исследователей Византии и феодальных южнославянских государств. Разработка данной проблематики способствует углублению наших представлений об основных отраслях и линиях развития хозяйства в разных регионах Юго-Восточной Европы, уточнению уже имеющихся сведений о торговых связях той поры, о степени товарности отдельных отраслей и т. д. По нашему мнению, в плане таких исследований экономической истории Византии и входивших (в тот или иной период) в ее состав различных районов Балканского полуострова немаловажное место принадлежит южной Далмации.

Это обусловлено не только тем, что она вплоть до начала 80-х годов XII в. входила в состав византийских провинций. Особенности географического положения и предшествующего социально-экономического развития городов и городских округов ее (Котора, Будвы, Улциня и др.) подразумевали и достаточно активные торговые связи южной Далмации с Византией¹, сохранявшиеся и после включения всего Зетского и Хумского приморья (т. е. южной Далмации) в состав Сербской державы Неманичей. Между тем, несмотря на неоднократные упоминания о таких прочных связях Византии и Далмации (в частности о вывозе зерна из Македонии, Эпира и Албании в Дубровник, Котор и другие города), в литературе все же остаются почти полностью неизученными вопросы экономической истории той поры, в особенности истории аграрного развития данных местностей бывшей византийской Далмации (а следовательно, и причины вывоза зерна и прочих продуктов питания). Естественно, эти вопросы аграрной истории южной Далмации в конце XII — середине XIV в. приобретают особый интерес также и в связи с проблемой развития основных отраслей сельского хозяйства в масштабах всего Сербского государства².

Следует отметить, что, ставя перед собой задачу дать характеристику основных отраслей сельского хозяйства южной Далмации и, насколько

¹ См., например: «Историја Црне Горе», кн. 2, т. 1. Титоград, 1970, стр. 33; ср. Б. Крекић. Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956, стр. 61 и сл.; Б. Храбак. Извоз житарица из грчких области у XIII, XIV и XV столећу. — «Историјски часопис», кн. XVIII, 1971, стр. 215—253; см. также: В. Нравак. Privreda Albanije u XIV i XV veku. — «Simpozijum o Skenderbegu». Priština, 1969, str. 67—75.

² Ср. в наших статьях «Пути и тенденции экономического развития Сербии в XIII—XIV вв.» — «Советское славяноведение», 1970, № 3; «Средневековые источники о развитии производительных сил на Балканах». — «Славяно-балканские исследования». М., 1972. К сожалению, в югославской литературе эти вопросы еще мало разработаны; см.: «Историја Црне Горе», кн. 2, т. 1; ср. также: «Историја народа Југославије», т. 1. Београд, 1953; «Преглед историје југословенских народа», т. 1. Београд, 1960; Н. Вучо. Привредна историја Србије до првог светског рата. Београд, 1955. М. Благојевић, Земљорадња у средњовековној Србији. Београд, 1973.

возможно, наметить главные тенденции аграрного развития и (естественно, в соответствующей мере) внешнеторгового обмена, мы располагаем довольно широким и разнообразным кругом источников (статуты и частно-правовые акты городских общин, сербские грамоты и т. п.). Их сведения, пусть нередко фрагментарные, разработанные, дают большей частью надежный и интересный материал, хотя, разумеется, степень их подробности и многочисленность вовсе не одинаковы на протяжении всего рассматриваемого нами периода.

Так, в частности, хуже всего освещен историческими источниками весьма бурный в политической истории южной Далмации конец XII в. Если даже о важнейших политических изменениях той поры мы нередко можем судить лишь по фрагментным материалам, то тем более случайными оказываются отдельные свидетельства о хозяйстве данного района. На основе этих сведений (в сопоставлении с материалами XIII и первой половины XIV вв.) мы можем предполагать, что здесь было развито земледелие, дополнением которого служили скотоводство и рыболовство, что интенсивные культуры (виноград и маслины), имевшие античную традицию, занимали важное место в занятиях местного населения. В то же время можно допустить, что в ту пору южная Далмация переживала экономический застой, а признаки известного подъема и оживления намечаются только в 80-х годах XII в., в связи с присоединением Приморья к государству Неманичей и тем самым — ликвидацией разобщенности и отрыва городов Приморья от их естественного хинтерланда, в результате возобновления торговли с Зетой и Сербией.

Весьма любопытно в этой связи сравнить два источника второй половины XII в. В известном сочинении арабского географа Идриси (1153) перечислены основные города Далмации — Ульцинь, Бар, Котор, Дубровник, Стоя, Силит и др.³ Однако показательно, что ни об одном из них Идриси не говорит в таких хвалебных тонах, с таким восхищением богатством их окрестностей, как это он делает, например, применительно к Охриду, Скопье, Нишу, Струмице, Зихне и пр.⁴ По нашему мнению, было бы опрометчиво такое резкое различие в описаниях Идриси относить лишь за счет нехватки у него сведений о приморских районах; скорее всего, сочинение Идриси отразило явную экономическую стагнацию южной Далмации, о которой мы можем судить и на основании одного византийского памятника.

Мы имеем в виду весьма важное указание Евстафия Солунского о вывозе хлеба из Византии (в конце XII в.) в Италию, Сицилию, а также в другие районы Адриатики — «вплоть до Иллирика»⁵. В данном случае, вероятно, допустимо предположение, что Евстафий Солунский подразумевал вывоз зерна из Византии в южную Далмацию, а также, видимо, во внутренние районы Зеты и даже пограничные пределы Сербии (Рашки). Объединение всех этих земель под эгидой сербского великого жупана Стефана Немани, по всей видимости, оказало уже в 80-х годах XII в. определенное влияние на торговые связи разных областей, на их специализацию (т. е. — применительно к южной Далмации — на роль и значимость местного виноградарства и виноделия).

Об этом, как нам кажется, позволяют судить свидетельства широко известных источников конца XII в., которые до сих пор вовсе не использовались в плане экономической истории той эпохи. Речь идет, в частности, о рассказах немецких летописцев III крестового похода, описавших встречу сербских правителей, Стефана Немани и его брата Страцимира, с Фридрихом I Барбароссой в Нише (в 1189 г.). Как известно,

³ Б. Недков. България и съседните ѝ земи през XII век според «Географията» на Идриси. София, 1960, стр. 35.

⁴ Там же, стр. 37—43, 71.

⁵ См. А. П. Каждан. Братя Айофеодориты при дворе Мануила Комнина. — ЗРВИ, кн. 9, 1966, стр. 91—92.

сербские правители тогда предложили императору «в великолепном изобилии вино, ячмень или муку, овец и быков», а его приближенных одарили «вином, быками и овцами»⁶. Не вызывает сомнений, что щедрое предоставление провианта и вина сербскими правителями говорило о больших *местных* ресурсах; и если правители Сербии могли получить большие стада скота прежде всего из Рашки (общеизвестна ее характеристика в сочинении Гийома Тирского), то местное вино было доставлено, скорее всего, из подвластной Стефану Немане южной Далмации, где тогда виноградарство и виноделие были все же более развиты, нежели в южной Сербии и Поморавье, служивших тогда ареной частых войн Сербии и Венгрии с Византийской империей.

Такой вывод, на наш взгляд, находит свое подтверждение в древнейшем из сохранившихся постановлений которской общины, которое относится к периоду непосредственно после присоединения Котора Стефаном Неманей. Несмотря на всю случайность и отрывочность этого свидетельства, весьма примечательно, что уже первое из известных нам решений коммуны Котора (январь 1186 г.) позволяет судить в известной мере не только о роли виноградарства и виноделия в южной Далмации той поры.

Как известно, это постановление посвящено, казалось бы, на первый взгляд, не слишком важному вопросу: оно запрещает продажу которскими «сервами» (т. е. зависимыми крестьянами или слугами горожан) кольев для виноградников; здесь подразумевается возможность кражи этих кольев «сервами» и продажи их другим виноградарям⁷. К сожалению, в исторической литературе до сих пор не уделялось должного внимания этому свидетельству, которое использовалось обычно лишь для указания на время присоединения Котора Неманей или на назначение в этот город специального сербского чиновника (в данном случае — сотник Юра). В книге акад. И. Синдика о коммунальном устройстве средневекового Котора, где затрагивается вопрос о роли сельского хозяйства (в том числе виноградарства) в экономике города и округа, это постановление 1186 г. совсем не упоминается⁸.

Между тем важность данного свидетельства для изучения аграрной динамики южной Далмации той эпохи, по нашему мнению, трудно переоценить. Не вызывает сомнения тот факт, что повышенный спрос на колья для виноградников должен был иметь своим следствием и зафиксированные в этом постановлении случаи кражи нужных лесоматериалов, равно как необходимость регламентации продажи леса и специальных ручательств хозяев за своих «сервов». Иными словами, мы должны предположить, что уже вскоре после присоединения Котора Неманей в этих районах Адриатического побережья начинается подъем виноградарства и виноделия, который выразился, как можно судить, в разбивке новых виноградников, в обновлении старых; это требовало, естественно, дополнительных затрат и работ по изготовлению и установке кольев для укрепления виноградных лоз.

Все же, как думается, наметившийся подъем виноградарства и всей экономики южной Далмации в тот период вовсе не был продолжительным и постоянным; по всей видимости, последовавшая за этим длительная борьба двух центров сербской государственности, т. е. Рашки и Дуклян-

⁶ См. *К. Јиречек*. Историја Срба, т. I. Београд, 1952, стр. 156 (ср. пер. В. Г. Васильевского: «Славянский сборник», II. СПб., 1877, стр. 287). Об этих источниках см. также: *М. А. Заборов*. Современники-хронисты и историки крестовых походов. — ВВ, т. XXVI, 1965, стр. 142—143.

⁷ *С. Новаковић*. Законски споменици српских држава средњег века. Београд, 1912 (далее — Зак. сп.), стр. 22; ср. «Зборник Константина Јиречека», т. II. Београд, 1962, стр. 99, 103.

⁸ *И. Синдик*. Комунално уређење Котора од друге половине XII до почетка XV столећа. Београд, 1950, стр. 57, 60 — 61.

ского королевства (в конце XII и начале XIII в.), вновь привела к заметному упадку и экономическому ослаблению Дукли, которая окончательно была включена в состав единого Сербского государства в середине второго десятилетия XIII в. К сожалению, мы не располагаем для этого периода современными свидетельствами; сохранилось, правда, в передаче позднейшей традиции сообщение о страшном опустошении сербских земель и сильном голоде во время междоусобных распрей братьев Неманичей — великого жупана Стефана I и дуклянского короля Вукана⁹.

В соответствии с этим мы можем предположить, что развитие сельского хозяйства в южной Далмации возобновляется на исходе первой трети XIII в., но и в тот период оно еще было весьма медленным ввиду слабости экономических связей отдельных частей державы Неманичей, значительной замкнутости и стремления к хозяйственной автаркии, равно как и преимущественной ориентации южнодалматинских городов на рынки соседних местностей Адриатического и Ионического побережий. Весьма вероятно, что вплоть до конца XIII в., когда в самой Сербии происходит заметный подъем городов, местной торговли и сельскохозяйственного производства, южнодалматинские города были более связаны с другими центрами Далмации, Италии и Византии (Эпира, Албании), находясь в зависимости от импорта зерна и других продуктов питания из этих «чужих» (т. е. не входивших в состав державы Неманичей) регионов Средиземноморья.

Поэтому, располагая лишь отрывочными сведениями о хозяйстве Котора и соседних городов той поры (например, нам известно о подтверждении прав которан на их «сады и виноградники» дуклянским королем Георгием в 1215 г.)¹⁰, мы должны использовать имеющиеся материалы о сельском хозяйстве других районов Адриатического побережья Сербского королевства, которые относятся к середине и к концу XIII в. Это позволит нам не только лучше представить себе общую картину экономического состояния всех приморских владений Неманичей в XIII в., но и попытаться выяснить определенные различия, локальную специфику городских округов и их хинтерланда. Любопытно, что даже немногочисленные сербские грамоты XIII в. проливают свет на соотношение отраслей сельского хозяйства во внутренней Зете и Захумье, т. е. в непосредственном соседстве с упомянутыми южнодалматинскими городами.

Так, во внутренних районах Зеты и Захумья тогда большое значение в феодальном хозяйстве имело скотоводство и пчеловодство, а в некоторых, более плодородных и равнинных местностях — также земледелие. В частности, среди владений Жичского монастыря (по грамотам, изданным в конце первой четверти XIII в.) упоминаются «планины», т. е. горные пастбища, находившиеся севернее Никшича¹¹. Стефан Неманя, основав Хиландарский монастырь, даровал ему в конце XII в. «планину» Богачу, 170 скотоводов-влахов и «в Зете кобыл»¹². Точно так же получил зависимых влахов и основанный в середине XIII в. зетский монастырь Морача¹³.

Несколько более подробные сведения о хозяйстве этих зетских и сербских монастырей в XIII в. мы можем извлечь из сохранившихся грамот монастыря св. Николая Вранинского (на о. Вранина в Скадарском озере). Мы знаем, например, о пожалованных сербской королевой Еленой (около 1280 г.) и королем Урошем II Милутином (около 1282—1296 гг.) этому монастырю «пастбищах зимних и летних», о скотоводах-албанцах и конюхах;

⁹ *К. Јиречек*. Историја. . . , т. I, стр. 165 (со ссылкой на сообщение сербских агиографов (Доментяна и Феодосия о междоусобных войнах начала XIII в.).

¹⁰ Зак. сп., стр. 24.

¹¹ Зак. сп., стр. 572; *Г. Шкриванић*. Жичко епархиско властелинство. — «Историски часопис», кн. IV, 1954, стр. 163.

¹² Зак. сп., стр. 384—385.

¹³ «Зборник Константина Јиречека», т. I. Београд, 1959, стр. 195.

нам известно и о передаче «улияника» (пасеки) в Крушевице, близ Скадарского озера, и планины — в этой же части Нижней Зеты¹⁴.

Примечателен и тот факт, что Вранинский монастырь тогда не имел и не получил из королевских имений ни одного виноградника даже в богатой и пригодной для земледелия (особенно для виноградной лозы) Црмнице — районе близ Скадарского озера. Более того, пахотные земли обители («теговица») севернее озера (в Плавнице) названы лишь в сомнительной грамоте Саввы (1233), где прямо сказано об отсутствии в то время у данного монастыря земледельческих угодий¹⁵.

По всей видимости, в приморских местностях Зеты и Захумья, в окрестностях южнодалматинских городов уже в ту пору было немало виноградников, садов и масличных посадок (о чем можно судить по договору 1279 г., о котором мы скажем ниже, и материалам начала XIV в.); однако и в конце XIII в., несмотря на некоторое развитие сельского хозяйства южной Далмации, в том числе виноградарства, приморские области Сербского государства, как и Рашка, оставались важным рынком сбыта зерна и масла, привозимого из других регионов Адриатики и Средиземноморья (Италии, Албании, Византии). Известно, например, о ввозе зерна из Апулии в приморские города Зеты в конце XIII в., притом иногда в больших количествах (к примеру, по I тыс. салм зерна сряду, т. е. по 170—190 т.)¹⁶. Совсем иначе обстоит дело с развитием виноградарства и виноделия в южной Далмации, поскольку ввиду большого спроса на вино в Сербии южнодалматинские города и Дубровник уже старались обезопасить себя от конкуренции «иноземного вина» — видимо, прежде всего итальянского; об этом стремлении получить наибольшие доходы от собственных виноградников, от ввоза вина, меда в Рашку (через Брсково) мы узнаем из договора Дубровника с Котором от 5 июня 1279 г.

Так, в результате соглашения этих городов было решено, «что рагужане могут везти вино из их собственных виноградников в Брсково, как и которане, без всякого препятствия, и что как рагужане, так и которане не могут везти иноземное вино в Брсково каким-либо образом». Аналогичное постановление в договоре касается и ввоза в Брсково меда рагужанами и которанами, причем указывается, что мед также должен быть местного происхождения, т. е. из Дубровника, Котора, Хума, Зеты и «всего Приморья»¹⁷.

Иными словами, мы можем судить об известном экономическом подъеме южной Далмации в конце XIII в., который определялся прежде всего развитием товарных отраслей сельского хозяйства (виноградарства, садоводства, пчеловодства), которые имели постоянный и весьма обширный рынок сбыта во внутренних областях Сербии.

Без сомнения, в данной связи можно напомнить о стараниях дубровчан постоянно расширять свои владения вокруг города, о том, что они постепенно разбивали все новые и новые виноградники и нивы на пограничных сербских землях, несмотря на протесты сербских королей¹⁸. Вероятно, аналогичные процессы происходили и в окрестностях городов южной Далмации в конце XIII в.; к сожалению, об этих проявлениях аграрной динамики мы можем подробнее узнать лишь из памятников пер-

¹⁴ Зак. сп., стр. 578—580; ср. Г. Шкриванић. Властелинство св. Николе Врањинског. — «Историски записи», 1959, св. 3—4, стр. 40—42. Вранинские грамоты 1242 и ок. 1280 гг. признаются некоторыми авторами сомнительными (как и хрисовул св. Саввы 1233 г.), но их недостоверность, по нашему мнению, еще не доказана убедительно (см., например, И. Божий. Доходак царски. Београд, 1956, стр. 9, 17—18).

¹⁵ Ср. Г. Шкриванић. Властелинство. . . , стр. 39—41.

¹⁶ В. В. Макушев. Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории, II. СПб., 1871, стр. 32; ср. стр. 64.

¹⁷ Зак. сп., стр. 30—31; ср. там же, стр. 137.

¹⁸ Там же, стр. 151—153, 157; ср. К. Јуречек. Историја. . . , т. II, Београд, 1952, стр. 168—169.

вой половины XIV в. (в частности, из статута города Будвы, с которым следует сопоставить сведения о сельском хозяйстве о. Млет, материалы Которского статута и др.).¹⁹

Так например, ст. 32 Будванского статута возникла как отражение стремлений будванского нобилитета, желавшего сохранить в своей собственности главную массу местных виноградников, обеспечить за собой львиную долю доходов от производства и продажи вина во внутренние области Сербского государства. Данное постановление позволяет нам судить о постепенном росте площади под виноградной лозой, а, тем самым, и об увеличении производства вина, имевшего постоянный и надежный сбыт в собственно сербских владениях Неманичей. Как мы подробнее покажем ниже, сходство социально-экономических процессов в истории Будвы и Котора (в период их пребывания под властью сербских правителей) обусловило и появление аналогичных постановлений патрицианских властей города Котора.

Впрочем, эти свидетельства названных источников, т. е. данные Млетского и Будванского статутов, единичные упоминания о хозяйстве в районе Бара, в имениях Вранинского и Ртацкогo монастырей сильно уступают по богатству социально-экономического материала гораздо более многочисленным, несравненно более разносторонним и хронологически определенным свидетельствам, которые проливают яркий свет на экономику самого крупного и мощного города Зетского приморья (и всего Сербского адриатического побережья той поры) — Котора. К счастью, мы располагаем не только обильными сведениями, к тому же нередко и точно датированными которского статута²⁰, но и сохранившимися за период 1326—1337 гг. частноправовыми нотариальными актами²¹, дающими возможность произвести даже известную статистическую обработку и определенные подсчеты и выкладки в области аграрной истории Которского округа.

Наиболее ранние сведения по социально-экономической истории Котора и подвластной ему округи мы можем получить при анализе Которского статута, а именно его первоначальной редакции, составленной при короле Стефане Уроше II Милутине (по нашему мнению, не ранее 1293 и не позднее 1300 г.).²² Эти данные об отраслях сельского хозяйства

¹⁹ Ср. в нашей статье «Средневековые источники. . .», стр. 25—32 (по материалам статута Будвы, Ртацкогo монастыря и пр.).

²⁰ «Statuta et leges civitatis Cathari». Venetiis, 1616 (далее — St. Cath.).

²¹ А. Mayer. Katorski spomenici. Prva knjiga katorskih notara od god. 1326—1335. Zagreb, 1951. Документы из второй тетради кн. 1-й (за 1329—1337 гг.), еще не опубликованной полностью, использованы в работах: Р. Ковијанић и И. Стјенчевић. Културни живот старогa Котора (XIV—XVIII вијек), кн. I—II. Цетинье, 1957; Р. Ковијанић. Вита Которанин неимар Дечана. Београд, 1962; С. Мијушковић и Р. Ковијанић. Грађа за историју српске медицине. Документи Которског архива, кн. 1 (XIV и XV век). Београд, 1964; Р. Ковијанић. Pomeni crnogorskih plemena u katorskim spomenicima (XIV—XVI vijek), knj. 1. Cetinje, 1963.

²² О Которском статуте, его рукописях, изданиях и структуре см. И. Сундик. Комунално. . ., стр. 7—12; *его же*. Извештај о раду на Которском статуту. — «Исторички часопис», кн. III, 1951, стр. 449—459; О. О. Марков. Статут гор. Котора (Опыт исследования его истории и источников). — «Записки Русского научного института в Белграде», вып. 1, 1930, стр. 119—162. К сожалению, и после появления этих работ структура статута и его хронология остаются еще неясными и спорными; это относится в особенности к датировке первой редакции статута. Н. Чорич датирует статут 1301 г., явно опираясь на самые ранние датированные статьи. См. Н. Сорић. Grad Kotor do god. 1420 s osobitim obzirom na bosansku prevlast (1385—1420). St. Gradiška, s/a, s. 33. По мнению О. Маркова, статут «в своей первоначальной редакции был составлен в эпоху Ст. Уроша II Милутина не раньше 1302 и не позже 1315 г.» (О. Марков. Указ соч., стр. 159; ср. 134). Признавая убедительными сравнения Марковым статей статутов Котора и Дубровника (1272 г., с дополнениями 1293 г.) и тем самым вывод о создании Которского статута после 1293 г., мы можем отметить заметную шаткость датировки Марковым первой его редакции (по титулу Милутина). Именно титул созерена, естественно, скорее всего мог претерпевать изменения в наличных рукописях памятника (ср. в ст. 23: И. Сундик. Комунално. . .,

на территории Которской коммуны в конце XIII и начале XIV в. и о их развитии и соотношении в целом весьма сходны с материалами Млетского и Будванского статута, как и с данными статута Дубровника.

Так, в частности, многоотраслевое сельское хозяйство в этой части Боки Которской включало тогда и зерновое земледелие, и виноградарство (наряду с садоводством), и скотоводство. Видимо, известное значение имело и разведение оливковых деревьев (соответственно — и производство оливкового масла) и рыболовство; ему посвящена ст. 325, равно как и возникшая после присоединения Грбля к которским землям в 1306—1307 гг. ст. 416 о рыбной ловле грбальских крестьян и доставке ими рыбы к королевскому столу²³. Анализ постановлений — большей частью недатированных — первой редакции статута и ее дополнений начала XIV в. наглядно показывает неравноценность отдельных отраслей сельского хозяйства на территории, находившейся во власти города Котора.

Так, мы встречаем в статьях Которского статута упоминания полей, пашен, зерновых хлебов (ст. 21, 81, 110, 114, 254, 264, 273, 275, 279, 284, 261)²⁴, причем, вероятно, иногда земли для новых посевов добывались расчисткой от кустарника и подлеска (в ст. 279, кстати, говорится о сдаче в аренду «ледины», т. е. целины, облога)²⁵. Гораздо меньше свидетельств в статуте о скотоводстве, хотя все же домашний и рабочий скот фигурирует в перечне движимого и недвижимого имущества которских горожан (ст. 81). Две статьи (21 и 361) специально посвящены защите «виноградников, виноградных питомников, садов и засеянных полей» от потравы свободно пасущимся скотом — лошадьми, коровами, мулами, козами и свиньями, предусматривая большие штрафы и даже создание особого штата стражников для наказания ослушников — хозяев скота²⁶.

Между прочим, здесь фигурирует примечательная оговорка (в конце ст. 361), что это постановление имеет силу как для «граждан, так и для иноземцев тех из Грбля», равно как и оговоренная здесь же возможность, естественно, нежелательная для коммуны, что «хозяин скота» может обратиться к «верховой власти», т. е. к сербскому королю, с жалобой на которан. Все это позволяет нам, видимо, сделать несколько иные выводы и предположения, нежели те, которые высказал югославский историк И. Синдик²⁷. По нашему мнению, такая концовка ст. 361 свидетельствует не столько о частых обращениях крестьян Грбальской жупы в королевский суд, сколько о составлении данной статьи еще *до пожалования Грбля* которанам. Более того, вытекающее из контекста ст. 361 противопоставление которан и их соседей — иноземцев, грблян — как по принципу юрисдикции, так — не менее четко и явно — по самому характеру их хозяйства говорит, быть может, о том, что в окрестных селениях и местностях Боки Которской, частью подвластных, частью неподвластных Котору (т. е. Грбаль — до 1306—1307 гг.), скотоводство играло тогда гораздо большую роль (точно так же, как в Грбальской жупе — зерновое земледелие), нежели в пригородах и непосредственном окружении Котора.

Здесь, близ самого города Котора (в так называемом Дистрикте)²⁸, уже в начале XIV в., как наглядно показывают материалы статута, главенствовали виноградарство и садоводство; менее значительно, видимо,

стр. 96); а включение статей 1301 г. в качестве дополнений к основному тексту, существовавшему уже тогда (см. ст. 349), говорит в пользу кодификации обычаев Котора в 90-х годах XIII в. (видимо, уже после 1293 и не позже 1300 г.).

²³ St. Cath., p. 237: ст. 416. — «О людях Жупы (Грбальской. — Е. Н.), чтобы не носили рыбу для господина короля».

²⁴ Ibid., 13, 50, 70, 74—75, 142, 147, 152, 154, 156, 158, 198; ср. И. Синдик. Комунално. . . , стр. 57, 62.

²⁵ St. Cath., p. 156.

²⁶ Ibid., p. 13, 51, 198; ср. И. Синдик. Комунално. . . , стр. 62—63.

²⁷ И. Синдик. Комунално. . . , стр. 63.

²⁸ О территории Дистрикта которского см. И. Синдик. Комунално. . . , стр. 18 сл.

было разведение оливок. Во многих статьях первоначальной редакции статута мелькают виноградники, виноградные питомники («каламета»), сады и отдельные фруктовые деревья, принадлежавшие которским гражданам и зависимым крестьянам — «посадникам» (см. ст. 21, 81, 82, 94, 110, 114, 135, 247, 249, 250, 252—255, 264, 273, 275, 276, 281—282, 285, 361, 412, 422)²⁹. Эти постановления весьма разнообразны по своему содержанию: они определяют условия аренды виноградников (ст. 276), условия пользования ими, равно как и плодовыми деревьями, защищают эти весьма ценные и трудоемкие посадки от потравы скотом (ст. 21, 361), от вырубания и уничтожения злоумышленниками (ст. 82, 110, 114), определяют наказания за ущерб, нанесенный садам, виноградникам и виноградным питомникам, о которых следует сказать особо.

То обстоятельство, что в ранних статьях Которского статута (конец XIII—начало XIV в.) неоднократно упоминается термин «каламетум», притом как одна из обычных и распространенных категорий интенсивного земледелия наряду с садами и виноградниками (см., например, ст. 21, 82, 135, 361), чрезвычайно любопытно — как показатель огромных возможностей и потребностей в расширении площади под виноградниками на территории Котора. Как мы упоминали выше, Котор осуществлял интенсивный ввоз вина в Сербию еще в конце XIII в., прежде всего в город Брсково, названный в договоре с Дубровником от 5 июня 1279 г., и в ст. 339 которского статута.

Термин «каламетум», как убедительно показал на материалах которских нотариальных актов известный филолог А. Майер, в действительности обозначает виноградный питомник, рассадник молодых лоз для закладки новых виноградников³⁰; указания актов на необходимость доставки «каламум» (саженцев) для обновления или разбивки виноградников свидетельствуют о том, что данный термин вовсе не следует переводить как «тростник», «сад» или даже «пахотная земля», как это делается в работах К. Иречка, И. Степчевича, Р. Ковиянича, И. Синдика³¹. Правильное истолкование термина «каламетум» вполне разъясняет нам, почему нередко в исторических источниках он выступает вместе с виноградниками как неперемное дополнение; это позволяет и предположить, что уже в конце XIII в. в Которе ввиду большого спроса на вино в Сербии производилась закладка новых виноградников, что в свою очередь требовало запрета ввоза иноземных вин (см. в договоре 1279 г. с Дубровником)³².

Заметим также, что интенсивное расширение площади под виноградниками на территории Котора в конце XIII и начале XIV в., связанное с необходимостью освоения новых участков, посадки новых лоз, требующих значительного ухода, вызывало, по всей видимости, у нобилей Котора стремление добиться большей заинтересованности зависимых крестьян и арендаторов в возделывании такой доходной и трудоемкой культуры. Поэтому уже в первоначальной редакции статута появляется ст. 114 «О вырубленных виноградниках посадников», предоставляющая защиту владельцам виноградников, «каламета», садов, полей и плодовых деревьев — притом неполноправным — по сравнению с которскими гражданами — крестьянам-посадникам и «иноземцам». Любопытно, что здесь установлен за уничтожение виноградника штраф в 25 перперов, т. е. вдвое

²⁹ St. Cath., p. 13, 50—51, 58, 70, 74—75, 82, 140—142, 147, 152, 154, 155, 157—158, 198, 232, 241; ср. И. Синдик. Комунално. . . , стр. 60—62; О. Марков. Указ. соч., стр. 153.

³⁰ А. Mayer. Op. cit., p. 642; ср. также док. № 1033.

³¹ «Зборник Константина Јиречека», т. II, стр. 101; И. Синдик. Комунално. . . , стр. 62; Р. Ковиянич и И. Степчевич. Културни. . . , кн. I, стр. 112; и др.

³² Зак. св., стр. 30—31; ср. St. Cath., cap. 339, p. 184; см. также и ст. 338 и 344 статута о запрете ввоза «чужого вина», стр. 184, 196.

больше, нежели в ст. 110, трактующей об ущербе виноградникам которских граждан со стороны иностранцев³³.

Наш вывод о многочисленности виноградников в округе Котора и производстве значительных количеств вина уже в конце XIII и начале XIV в. находит подтверждение также и при анализе статей статута, регламентирующих цены основных товаров и порядок торговли вином, зерном, оливковым маслом, оливками и животным жиром. Если тогда — видимо, нередко — и случалась нехватка зерна, оливкового масла, жира и прочих продуктов питания, это вызывало резкое подорожание и запрет вывоза указанных товаров (см. ст. 179 и 326 о ценах и порядке вывоза масла, ст. 327 о запрете вывоза сыра и жиров «за море», ст. 333—336 о торговле зерном и ст. 348 о продаже «фруктов» — прежде всего маслин)³⁴. Напротив, постоянное наличие больших запасов вина требовало запретительных мер иного рода и ограждения интересов местных, которских виноторговцев, т. е. владельцев виноградников, которыми были преимущественно патриции и отчасти представители плебса³⁵.

Огромные доходы, получаемые от виноторговли, побудили правящую патрицианскую верхушку Котора уже в начале XIV в. прибегнуть и к другим мерам, которые помогли бы небогатым и богатым плебейцам сохранить в своих руках большинство, притом лучших, насаждений виноградной лозы. Вначале это выразилось в принятии строгих постановлений, препятствующих расширению виноградников крестьян-посадников Дистрикта во втором десятилетии XIV в., затем эти ограничения были распространены на окрестные земли, позднее оказавшиеся под властью Котора — в 30-х и 40-х годах XIV в.³⁶

Рассмотрим подробнее эти постановления Которского статута, свидетельствующие о стараниях патрицианского правительства и господствующей верхушки направить процессы интенсификации сельского хозяйства в удобное им русло, закрепить за собой результаты, достигнутые упорным и тяжелым трудом зависимых крестьян и мелких арендаторов, из года в год расширявших и обновлявших виноградники на территории Которской коммуны. Первой и наиболее ранней из датированных статей, посвященных этим вопросам, является ст. 281 «О запрете посадки виноградников на землях монастыря св. Георгия» (от 28 декабря 1315 г.), к которой примыкает ст. 282; аналогичные меры предусмотрены и в ст. 412 и 422. Все эти статьи не нашли еще надлежащего освещения в литературе, хотя и упоминаются, обычно вскользь, в работах некоторых историков — Н. Вучо, И. Синдика, Г. Чремошника, И. Божича, П. Буторца³⁷.

Появление первых запретов (ст. 281 и, возможно, ст. 282), вероятно, было обусловлено в какой-то мере неблагоприятными последствиями долгой междоусобной войны братьев Неманичей (1301—1312), нарушавшей регулярный товарообмен Сербии с приморскими городами и отражавшейся тем самым на ввозе которского вина в Сербию. Любопытно, что инициатором первых ограничений крестьянского виноградарства выступила католическая церковь, в частности, монастырь св. Георгия

³³ St. Cath., p. 74—75; ср. *ibid.*, ст. 110, p. 70—71.

³⁴ *Ibid.*, p. 107, 179, 180 (ср. ст. 310 о торговле скотом и сыром от 1346 г.); p. 182—183 (ср. ст. 397, 1343 г., о цене зерна); p. 189.

³⁵ *Ibid.*, ст. 337—339 и 344 (о виноторговле), p. 183—184 и 187. Ср. G. Čremošnik. *Vinogradarstvo i vino u Dalmaciji srednjeg veka*. — «Гласник Земальског Музеја». XLV, 1933, стр. 26—27.

³⁶ Ср. И. Синдик. *Комунално...*, стр. 61; Н. Вучо. *Привредна...*, стр. 81; И. Божич. *Село Богдашићи у средњем веку*. — «Историски часопис», кн. VII, 1957, стр. 94, 115; G. Čremošnik. *Op. cit.*, p. 34; P. Butorac. *Opatija sv. Jurja kod Perasta*. Zagreb, 1928, стр. 28.

³⁷ Так, например, эти первые запреты крестьянских виноградников Н. Вучо и Г. Чремошник датируют лишь 1346 г. (либо серединой XIV в.); так поступает и Синдик, хотя ему известна и ст. 281. См. И. Синдик. *Комунално...*, стр. 61, ср. стр. 81 — о ст. 281 — в разделе об автономии Котора.

(в Боке Которской, близ Пераста). Под давлением католического клира 28 декабря 1315 г. которская коммуна постановила, чтобы «*впредь* ни один которанин или посадник не мог посадить виноградники на земле монастыря св. Георгия». Единственной уступкой, притом которским нобилям и плебейам, а не крестьянам в ст. 281 служит оговорка: «за исключением лишь (того случая. — *Е. Н.*), если у какого-либо которанина (т. е. не посадника. — *Е. Н.*) виноградник окажется заброшенным, [тогда] он может его обновить и не иначе получит его для насаждения». Для нарушителей этого решения назначен громадный штраф (200 перперов), а разбитый вновь виноградник становился полной собственностью монастыря³⁸.

Не менее тягостной для зависимых крестьян и мелких арендаторов была ст. 282, принятая, видимо, в то же время³⁹. Текст этой статьи, озаглавленной «Чтобы никто из посадников не имел виноградников в „камерах“»⁴⁰, начинается небезынтересной мотивировкой: «Потому что мы претерпели большие убытки из-за краж, которые посадники совершали в виноградниках. . .». Ввиду таких «краж» (быть может, речь идет о тайном расширении посадок, к тому же за счет похищенных черенков и саженцев) которские власти постановили, «чтоб ни одни из посадников не имел виноградников в [так называемых] камерах а лишь [разводили лозы] по земле», что тогда именовалось «поземлюх». За нарушение данного постановления посадником назначался очень большой (для простого крестьянина!) штраф — 30 перперов. Однако, по всей видимости, данные мероприятия патрицианских властей по ограничению крестьянского виноградарства и виноделия на территории самого которского Дистрикта оказались малоэффективными, и это послужило причиной для издания новых постановлений, которые относились уже к землям «новых» — более поздних — владений Котора, т. е. к Грбальской жупе, районам Биела, Крушевице и Леденице (или Лединац)⁴¹.

Такие запреты крестьянского виноградарства в «новых» владениях Котора приводят нас к выводу, что патрицианская и плебейская верхушка коммуны решила подавить конкуренцию виноградарей из окрестных селений, заставляя их силой выбирать лишь менее доходные отрасли сельского хозяйства: зерновое земледение, скотоводство, иногда — и садоводство. Можно предположить, что которские правители стремились создать скотоводческо-зерновые районы, колониальные придатки развитого пригородного и городского хозяйства самого Котора, сознательно препятствуя развитию виноградарства в Грбальской жупе, Крушевице, Леденице, как и в Биеле, также оказавшейся под властью Котора. Об этом свидетельствуют не только запреты, относящиеся к данной территории, но и отрывочные сведения о сельскохозяйственных угодьях и занятиях местных крестьян в первый период их зависимости от Котора, т. е. накануне или в момент издания запретов, которые мы рассмотрим ниже. Быть может, такое решение Которской коммуны превратить грбальских, крушевицких, леденицких и биелских крестьян в своих «новых» подданных, исключительно в поставщиков зерна и скота для нужд которан было в известной мере продиктовано и стремлением сделать уступку крестьянам ближней округи города, т. е. самого Дистрикта, смягчить их недовольство прежними ограничениями и сделать, таким образом, Дистрикт прочной опорой для эксплуатации населения «новых» владений коммуны.

³⁸ St. Cath., ст. 281, p. 157.

³⁹ Ср. *ibid.*, p. 158 (выделение части штрафа в пользу короля) и 159—160 (ст. 285 от 1318 г. и ст. 288 от 1321 г.).

⁴⁰ *Ibid.*, p. 157. О термине «камера» (беседка или шпалера) — см. *И. Синдик. Коммунально. . .*, стр. 61 и прим. 19; *М. Благојевић. Земљорадња. . .*, стр. 142—143; ср. также *М. А. Пелях. Справочник виноградаря. М., 1971*, стр. 258—261.

⁴¹ См. *И. Синдик. Коммунально. . .*, стр. 26—29; ср. *Р. Ковијанић. Ромени. . .*, p. 10—15 (его вывод, что «Леденице» которского статута означает Лединац, т. е. Негуши над Котором, а не Леденице выше Рисна, нам кажется убедительным и потому, что Рисан не был тогда во власти Котора).

Нет сомнений, что и в этих владениях, хотя, возможно, и в гораздо меньшей мере, чем в Дистрикте, в начале XIV в. развивались интенсивные отрасли земледелия: виноградарство и плодоводство, уступавшие все же по своему значению скотоводству и зерновому земледелию. Так, например, в ст. 423 статута («О людях из Биелы и Леденице и Крушевице») упоминается, что у крестьян данного района — вероятно, в каждом хозяйстве — был «сад с овчарней и деревьями в саду», которыми местные жители могли пользоваться и после раздела этих земель между которанами⁴². В первой Которской грамоте Стефана Душана упоминаются в Грбальской жупе «виноградники и влаштаки (зависимые крестьяне. — *Е. Н.*) и земли и луга»⁴³.

Поэтому после перехода названных селений и местностей под власть Котора в статут вносятся две статьи — ст. 412 (о Грбле) и ст. 422 (о Биеле, Крушевице и Леденице). Первая из них, рассматривающая различные вопросы, связанные с разделом Грбальской жупы среди которских патрициев и богатых плебеев и освоением этой богатой и плодородной местности, не случайно начинается запретом расширения грбальских виноградников. «Прежде всего, — гласит ст. 412, — мы желаем, чтобы никто в своей части (полученной после раздела жупы. — *Е. Н.*) не смел иметь виноградник, исключая [только], если какой-либо дом, в котором живет семья, может иметь два «квадраньола» (мера виноградника. — *Е. Н.*) и не больше; и ректор и судьи, которые имеются [ныне] и будут в другие времена, должны каждый год после праздника св. Георгия посылать в течение месяца своих официалов для *вырубки* того, что составляет излишек (т. е. лоз, посаженных сверх той нормы. — *Е. Н.*)»⁴⁴. К сожалению, в этой статье нам не вполне ясны слова о «семье», — т. е. означают ли они семью самого которского господина данной доли Грбля или же семью какого-то из подвластных крестьян (видимо, вероятнее второе — ср. ст. 429), но цель и драконовские меры такого постановления достаточно красноречивы и целиком подтверждаются аналогичной ст. 422.

В ст. 422 («О запрете посадок на землях Метохии св. Петра, Крушевице и Леденице») такой запрет касается и которских граждан и иноземцев: «... чтобы никто, ни гражданин (Котора. — *Н. Е.*), ни иностранец, никоим образом не дерзнул разбить виноградник в каком-либо месте на землях как Метохии св. Петра (в Биеле. — *Е. Н.*)⁴⁵, так и в Крушевице и Леденице. . .»⁴⁶. Тем самым сфера подобных запретительных мер которских властей охватила все «новые» владения коммуны, и полное их сходство позволяет нам сделать некоторые предположения насчет времени издания этих постановлений и датировки названных статей.

В частности, сопоставляя их с другими, датированными статьями статута, что отчасти уже было сделано И. Синдиком, можно достаточно уверенно датировать ст. 412 периодом не ранее 1316 г. и не позднее 1331—1334 гг. (как видно из ст. 415 статута и Приштинской грамоты Душана), а ст. 422 — периодом 1331—1334 гг., поскольку Биела, Крушевице и Леденице были дарованы Котору Душаном по Приштинской грамоте (по нашему мнению, в 1331 г.). Все это не позволяет нам согласиться с датировкой ст. 422, предложенной Р. Ковияничем: по его мнению, она была издана после 1355 г.⁴⁷

⁴² St. Cath., p. 242.

⁴³ Зак. сп., стр. 32. О достоверности ее сведений см. в нашей статье: «Две которские грамоты Стефана Душана». — «Вопросы истории славян», вып. 4. Воронеж, 1972, стр. 9—15.

⁴⁴ St. Cath., p. 232—233.

⁴⁵ Ср. *Г. Шкриванић*. Именик географских назива средњовековне Зете. Титоград, 1959, стр. 41.

⁴⁶ St. Cath., p. 241.

⁴⁷ Ср. И. Синдик. Комунално. . ., стр. 28, прим. 65; 29; *Р. Ковиянич*. Pomeni. . ., p. 14—15. Кстати, свидетельство ст. 415 о принадлежности Котору Биелы и других

Заметим, что правильное определение хронологии рассмотренных статей которского статута не только дает нам возможность верно пред- ставить поступательное развитие аграрных отношений в Которском округе, отношений между которской коммуной — и местным патрициа- том прежде всего — и местным крестьянством, но и позволяет еще более наглядно выяснить значение этих мероприятий для развития сельского хозяйства в данном регионе южной Далмации, поскольку мы их можем сравнить с богатейшими материалами которских частнопровольных актов той же поры, т. е. актов за 1326—1337 гг. Обратимся же к этим актам, особо наглядно рисуя состояние сельского хозяйства в которском Дистрикте.

Весьма примечательно, например, что в 20-х, 30-х да и 40-х годах XIV в. Котор по-прежнему во многом зависел от подвоза зерна ⁴⁸, олив- кового масла ⁴⁹ (из Апулии, «Романии», т. е. Греции и соседних областей), а иногда и продуктов скотоводства ⁵⁰, хотя зерновое земледелие и ското- водство играли определенную роль в занятиях местных жителей и их даль- нейшее развитие поощрялось коммуной, старавшейся ввиду частной нехватки провианта превратить Грбальскую жуцу в житницу Котора ⁵¹. Об этом говорят нередкие арендные договоры тех лет, предусматриваю- щие получение землевладельцем чинша зерном (вероятно, это было чаще всего в Грбле) ⁵², и еще более многочисленные договоры о сдаче на выпас которанами скота ⁵³. О значении скотоводства мы можем судить и по до- кументам об аренде пастбищ коммуны (в 1335 г. за шестилетнюю аренду этих «планин» патриций Трифон Буча должен был уплатить 400 перпе- ров!) ⁵⁴, как и по отрывочным свидетельствам о хозяйстве отдельных кре- стьянских, патрицианских и плебейских семей, указывающих на преоб- ладание в данных хозяйствах виноградарства или садоводства в сочетании со скотоводством ⁵⁵.

Анализ которских нотариальных актов 1326—1337 гг. показывает да- лее, что по своему значению в те годы садоводство не уступало скотовод- ству, но что самой важной и наиболее интенсивно развивавшейся отраслью сельского хозяйства (и вообще экономики Которского округа) было вино- градарство. Частая нехватка зерна, недостаток земель, пригодных к обра- ботке, немалое количество земли, неудобной, бесплодной, заставляли дорожить не только каждым плодовым, оливковым, ореховым деревом, смок- вой, рябиной, которые отдельно указываются в документах ⁵⁶, но и каш- тановыми деревьями. Поскольку каштаны были важным подспорьем в пи- тании населения, в окрестностях Котора возникали целые рощи кашта-

---

селений (уже до 1334 г.) является новым доказательством в пользу датировки Приштинской грамоты 1331 годом.

⁴⁸ А. Mayer. Op. cit., p. 421 (N 1264) и 183 (№ 514); В. В. Макушев. Итальянские ар- хивы. . . , стр. 63 (о ввозе зерна из Апулии, 1336 г.), ср. ст. 397 которского статута (1343 г.).

⁴⁹ Ibid., p. 409 (N 1219).

⁵⁰ Ср. ст. 310 статута (1346 г.).

⁵¹ Ср. I. Stjepčević. Kotor i Crbalj. Split, 1941, p. 84 — 85.

⁵² См., например: А. Mayer. Op. cit., N 58, 628, 1202 (p. 39, 222, 405); R. Kovijanić. Pomeni. . . , p. 116, 222—223.

⁵³ См. А. Mayer. Op. cit., №№ 97, 126, 152, 175, 195, 247, 266, 365, 390, 410—411, 438, 481, 482, 564, 633, 773, 788, 796—797, 806, 813—814, 849, 913, 1156, 1225, 1251, 1275 (ср. там же, док. № 1279; Р. Ковијанић. Вита. . . , стр. 104, 233; R. Ко- вијанић. Pomeni. . . , p. 19, 23, 24, 110, 116, 124—125, 194, 220).

⁵⁴ А. Mauer. Op. cit., № 1148 и 1239 (p. 390—391, 415); ср. R. Kovijanić. Pomeni. . . , p. 18—22.

⁵⁵ См. А. Mayer. Op. cit., № 365, 438, 1132; ср. док. № 718 (о виноградниках и кашта- новых деревьях) и 1141, а также док. № 1184 — «сад и хлев (кошара) зависимого крестьянина в Тивте. Ср. о союзе (аренде скота): Л. А. Котельникова. Итальян- ское крестьянство и город в XI—XIV вв. М., 1967, стр. 285 сл.

⁵⁶ См. А. Mayer. Op. cit., № 297-а (маслины); 111, 328, 362, 669 (ореховые деревья); 522 (смоква); 32 (рябина). Ср. там же, № 669 (о бесплодной, неудобной земле).

нов — «каштаницы», сдававшиеся даже в аренду⁵⁷. В которских источниках той поры мы не только встречаем частые упоминания садов отдельных граждан⁵⁸, но даже и сведения о «садовниках», возделывавших обширные сады виднейших патрициев и других землевладельцев⁵⁹; известно, что в саду священника Живе Сестани было вырублено 17 деревьев⁶⁰.

Наиболее многочисленны и разнообразны свидетельства которских актов 20-х и 30-х годов XIV в. о развитии виноградарства на территории коммуны; эти данные позволяют судить о количестве — разумеется, приблизительно ввиду отсутствия общей переписи земель и угодий — виноградников и виноградных питомников, их размещения в тех или иных пределах Дистрикта, об аренде их (в том числе — и о создании новых посадок лозы), наконец, в известной мере — и о распределении их по принципу собственности и владения между нобилиями, простыми горожанами-ремесленниками и беднейшими плебеями, крестьянами. Весьма показательны, например, произведенные нами подсчеты числа виноградников и виноградных рассадников, упоминаемых в актах 20-х—30-х годов XIV в. Даже по этим — неполным — данным оказывается, что в тот период лишь на территории Дистрикта существовало не менее 560 отдельных виноградников, весьма неодинаковых по величине, назначению (сюда входят и питомники — «каламета»), качеству и стоимости⁶¹. Если к тому же принять во внимание, что подсчеты выполнены лишь для земель Дистрикта, т. е. южных окраин Котора и пригородных поселений Левань, Шурана, Пуч, как и селений на полуострове Врмац: Тиват, Ластва, Прчань, Муо и др., но не включают имения монастыря св. Георгия (у Пераста) и Грбальскую жупу, можно предположить, что число виноградников на всей территории Которской коммуны было в действительности гораздо больше.

В пользу такого заключения говорит и другое немаловажное обстоятельство: полученное нами число виноградных рассадников составляет примерно $\frac{1}{8}$ всего числа обозначаемых в отдельности насаждений виноградной лозы (68—70 из 560). Иными словами, значительный удельный вес новых насаждений, служащих для расширения и обновления наличных посадок и разбивки новых виноградников (мы, естественно, не можем выяснить площадь плодоносящих посадок и питомников), позволяет полагать, что в этот период Котор был важным центром распространения культуры виноградной лозы в других районах Боки Которской (возможно, и прочих пределах Сербского Приморья и даже внутренних районов Сербии — близ Брскова и др.).

Вполне понятно, что интенсивное развитие виноградарства в Которском округе в 20-х и 30-х годах XIV в., создание новых виноградников (сохранилось несколько арендных договоров о разбивке новых насаждений), а, быть может, и в известной мере влияние на сбыт местного вина постепенного подъема виноделия во внутренних районах Сербского государства, — все это имело своим следствием издание новых запретов — в 1346 г. и, вероятно, позже, вошедших в текст Которского статута и, в отличие от предыдущих, относившихся к главной территории Дистрикта (полуостров Врмац и т. д.).

Так, ст. 429 (от 18 апреля 1346 г.) открывается следующим вступлением: «Видя, что виноградники умножаются и поэтому доходы от них уменьшаются, а многие из наших граждан впадают в нужду, ради доброго и мир-

⁵⁷ См. там же, например: док. № 141, 146, 360, 377, 431 (аренда), 657, 718, 1026, 1132.

⁵⁸ См. там же, например: док. № 351, 834, 937, 1010, 1047, 1059, 1077, 1110, 1184.

⁵⁹ Там же, док. № 1124, стр. 378 (Братолюб — садовник которского патриция Григория Гимаюя).

⁶⁰ Там же, док. № 351, стр. 130 (сп. о тяжбах и спорах по поводу рубки плодовых деревьев — док. № 1032 и 1129).

⁶¹ При подсчетах числа виноградников по этим актам мы, насколько это возможно, старались избежать повторений, учитывая расположение их и имена собственников и соседей. Виноградники и «каламета», названные во множественном числе, мы подсчитывали только по минимальной ставке (как два виноградника или питомника).

ного состояния нашей земли мы постановляем, чтоб . . . (в пределах проводимой ниже границы, охватывающей почти весь полуостров Врмац вместе с находившимися там владениями монастыря св. Михаила; подробное определение этой границы мы опускаем. — *Е. Н.*) и от реки Которской до реки Даранти (нынешняя Люта. — *Е. Н.*) никто не смел и не мог посадить виноградник либо разбить, если только там прежде не было виноградника, то [в таком случае] этот виноградник можно обновить». Далее в постановлении указывалось, что нарушитель запрета должен заплатить штраф в 50 перперов за каждый «квадраньол» (мера виноградника), «а посаженные лозы должны быть выкорчеваны, и там впредь не должно быть виноградника». В конце статьи, правда, делалась любопытная оговорка, гласящая, что «без всякого наказания любой крестьянский дом нашего гражданина, не имеющий виноградника, может разбить и посадить два квадраньола виноградника [пользуясь] большой мерой, близ своего «села» (усадебный или жилища. — *Е. Н.*)»⁶². Нет сомнения, что данная оговорка была вызвана желанием которских властей смягчить недовольство зависимых крестьян — вилланов Дистрикта и одновременно создать лазейку для обхода данного постановления землевладельцами-нобиями, имевшими немало вилланов, почему, собственно, сама статья оказывалась неэффективной или направленной лишь против виноградарей из числа беднейших горожан-плебеев и свободных крестьян.

В связи с этим, вероятно, и потребовалось издание ст. 430 («О запрете посадки виноградников в тех местах, где это не разрешено статутом»), ссылающейся на ст. 429 и, следовательно, составленной в конце 40-х или начале 50-х годов XIV в. Так, в мотивировке ее мы читаем: «Поскольку многие из [жителей] данного города вопреки постановлениям одного из статутов (далее приводится название ст. 429: «О запрете посадки виноградников в определенных местах». — *Е. Н.*) безрассудно осмеливаются устранивать виноградники или же добиваться их посадки во вред, притом немалый, гражданином названного выше города . . .». Поэтому коммуной было принято решение о драконовских мерах против расширения площади под виноградной лозой: «. . . постановляем, чтоб впредь ни одно лицо, какого бы то ни было состояния [права], как церковное, так и светское, не дерзнуло и не решилось делать посадки или распорядиться о посадках (лозы. — *Е. Н.*) в местах, воспрещенных вышеназванным статутом, *свыше того*, что теперь [уже] посажено [там]. . .».

Здесь бросается в глаза не только любопытное напоминание о церковных служителях, очевидно, вовсе не старавшихся исполнять постановления ст. 429, но и крайняя строгость мер по отношению к нарушителям: за расширение виноградника нарушитель должен был отдать коммуне всю землю с *прежними* и новыми посадками виноградных лоз. Такое же наказание было предусмотрено для тех, кто заново разбивал виноградник там, где его раньше не имел: нарушитель должен был уплатить штраф в 10 перперов, лишаясь всех насаждений лозы и земельной собственности в том месте, где он начал новые посадки. Более того, были приняты меры и для усиления контроля коммуны за выполнением этого решения: каждый год выбирались два патриция-контролера, которые были обязаны под страхом штрафа (25 перперов) «пробежать» и осмотреть все местности, где запрещались эти посадки виноградной лозы; наконец, эта статья устанавливала и меры против обхода данных решений и подкупа контролеров, даже самого правителя города⁶³.

Таким образом, рассмотренные выше свидетельства исторических источников дают нам достаточно сведений, пусть иногда и отрывочных, случайных, о тех путях и тенденциях аграрного развития южной Далмации (конца XII—середины XIV в.), которые, как мы показывали выше, обус-

⁶² St. Cath., стр. 429, p. 247—248.

⁶³ Ibid., p. 248—250.

ловливались общим экономическим состоянием этих районов Балканского полуострова, их торговыми связями с внутренними областями Сербского государства Неманичей и соседними городами и землями Средиземноморья. Весьма показателен постепенный и все нарастающий к концу XIII в., а затем в первой половине XIV в. экономический подъем южной Далмации, который в сфере сельского хозяйства выразился в заметной интенсификации товарных культур, в расширении виноградников и ввозе вина во внутренние области Сербии. В свою очередь стремление защитить местное виноделие от иностранной конкуренции, сохранить высокие доходы — в ущерб мелким виноградарям — крестьянам и беднейшим горожанам — побуждало правивший в городах южной Далмации патрициат переходить к политике регламентации площадей под виноградниками, запретов и ограничений новых посадок лозы. Не вызывает сомнений, что эта политика, продиктованная интересами самих нобилей, была в заметной мере связана и со стараниями обеспечить местные ресурсы зерна в подвластных коммуне окрестных землях, вызванными зависимостью южнодалматинских городов от подвоза хлеба и других продуктов питания не только из соседних областей Сербии, но также из Италии и «Романии».

Весьма показательно также и то, что эта политика патрициата южной Далмации, встречавшая сопротивление крестьянства, наталкивавшаяся на недовольство городского плебса, ремесленников, даже отчасти и церкви, отдельных нобилей, не смогла, по всей видимости, освободить города от необходимости постоянного ввоза зерна, покупавшегося в разных центрах Средиземноморья. Любопытно, что и в конце XII в., как мы показали выше, вывоз зерна из Византии в южную Далмацию имел немалое значение для торговых связей той поры, как и позднее, в середине XIV в., когда по-прежнему купцы из Котора, Улциня и других пунктов Сербского приморья отправлялись за хлебом в византийские владения⁶⁴. Наличие таких прочных торговых связей Византии и южной Далмации, сохранявшихся, несмотря на определенные изменения в сфере сельского хозяйства этих приморских районов и всего Сербского государства Неманичей⁶⁵, позволяет нам полнее представить картину экономического развития Балканского полуострова в средние века, взаимосвязи его приморских и внутренних областей, южнодалматинских городов и их прежней повелительницы — Византии.

⁶⁴ См., например: *A. Mayer. Op. cit.*, p. 421, № 1264 (от 11 мая 1335 г.).

⁶⁵ Ср.: *Е. П. Наумов. Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975, стр. 36—51.*